

М. Б. Колотков*

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР В РОССИИ В 1906—1907 гг.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье приводится анализ юридических технологий противодействия терроризму в России в 1906—1907 гг. Исследован комплекс специальных организационно-правовых мер, принятых российской властью в начале XX в. с целью противодействия террористической угрозе. Особое внимание уделено как нормотворчеству, так и правоприменительной деятельности Министерства внутренних дел, продолжавшего проводить планомерную работу по пресечению деятельности террористических групп. Предпринята попытка установления ключевых правовых препятствий и ограничений для выстраивания эффективного механизма борьбы с преступлениями террористической направленности. Отмечено, что к началу 1906 г. методика организации террористической деятельности революционных организаций претерпела существенные изменения: террор в России стал децентрализованным, изменился и порядок принятия решения о реализации очередного террористического акта. Политическая составляющая партийной деятельности отошла на второй план, поскольку массовый характер террористической практики революционерами фактически никак не анализировался, а сам террор в большей мере стал носить конъюнктурный характер и соответствовать реалиям революционного времени. В этот период на территории России стали регистрироваться факты реализации террористических актов в отношении членов проправительственных организаций и структур патриотической направленности: участились случаи совершения террористических актов в отношении представителей «легализованных» политических обществ (прежде всего черносотенных организаций), что могло спровоцировать появление массовых межпартийных выступлений. При этом анализ революционной обстановки, сложившейся в России к этому времени, свидетельствовал о том, что большинство известных революционных партий предпринимали попытки организовать массовое вооруженное восстание. Акцентировано внимание на появлении в террористической среде новой тактики ведения политической борьбы путем совершения терактов — организации партизанской войны. Особое внимание уделено исследованию проблемы эффективного руководства деятельностью секретной агентурой Департамента полиции.

Ключевые слова: право, террор, террористическая деятельность, революционные организации, Департамент полиции, политический сыск, общественный порядок, охранные отделения, административно-правовые режимы, секретная агентура.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.146.1.159-173

К началу 1906 г. революционная обстановка в России стала еще более сложной, однако российское правительство предпринимало все усилия для предотвращения терактов и беспорядков. Еще в конце 1905 г. был принят це-

лый комплекс нормативных правовых актов по вопросам увеличения численного состава как петербургской и московской полиции, так и Министерства внутренних дел в целом. Так, с 1 января 1906 г. только столичная полиция попол-

© Колотков М. Б., 2019

* Колотков Михаил Борисович, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Информационно-аналитического центра Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
mkolotkov@yandex.ru
195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29

нилась 393 должностями, а состав городских увеличился сразу на 1 000 штатных единиц¹. Буквально за один год существенно увеличилось финансирование Министерства внутренних дел: к началу 1906 г. его бюджет увеличился на 20 млн и составил порядка 134 млн руб.² Кроме того, осуществлялось и предметное финансирование сотрудников, задействованных в охране общественного порядка и предотвращении терактов. В частности, 18 августа 1906 г. военным губернаторам, губернаторам, градоначальникам и Варшавскому обер-полицмейстеру было направлено отношение Департамента полиции № 11644 «О порядке назначения денежных пособий чинам полиции, пострадавшим от террористических покушений»³. Согласно данному документу для выдачи соответствующих пособий российское правительство выделило полиции на 1906 и 1907 гг. денежную сумму в размере 2 млн руб. Пособия предназначались «исключительно для чинов полиции, несущих наружную полицейскую службу или могущих, по свойству обязанностей, непосредственно участвовать в принятии мер прекращения беспорядков».

В условиях складывавшейся общественно-политической обстановки 8 января 1906 г. Департаментом полиции было подготовлено и направлено по всей стране отношение № 900 начальникам охранных отделений «О развитии революционного движения в России»⁴, в котором отмечалось, что в рабочей среде «замечается крайнее возбуждение против принятых Правительством мер к подавлению и предупреждению революционного движения». Российские революционеры планировали подготовить широкомасштабное вооруженное восстание. Примечательно, что подобные усмотрения совпали с появлением в революционной среде мнения о необходимости отказа от массового террора и возвращения к террору

индивидуальному, направленному против конкретных должностных лиц. Террористические акты различного политического значения также продолжали совершаться очень часто. Например, 14 января 1906 г. минский губернатор П. Г. Курлов направил императору Николаю II телеграмму, в которой сообщал, что в отношении него был совершен террористический акт: при выходе из кафедрального собора в него была брошена бомба, которая не взорвалась⁵. Буквально через два дня в Минской губернии произошел очередной теракт: 16 января 1906 г. в Департамент полиции направлено представление помощника начальника Минского ГЖУ № 63 «Об убийстве урядника А. Черняка»⁶, в котором отмечалось, что представители партии социалистов-революционеров численностью около 60 человек убили местного урядника. Минский губернатор попросил разрешения императора воспользоваться правом передачи дел на задержанных террористов военно-полевому суду. После получения разрешения П. Г. Курлов подготовил и направил в Департамент полиции отношение № 343 от 19 января 1906 г. «О передаче ряда дел, связанных с террором, военному суду»⁷. 5 августа 1906 г. с похожим представлением министру внутренних дел П. А. Столыпину «О беспорядках в Варшаве» обратился Варшавский генерал-губернатор. В связи с участвовавшими нападениями на чинов полиции, жандармов, а также военных, занимавшихся охраной полицейских постов, он сообщал министру об установлении особого порядка направления дел по государственным преступлениям в военные суды, согласно которому в случае наличия неопровержимых доказательств виновности задержанных офицерам городской полиции следовало «ограничиться означенным дознанием для предания затем виновных... военному суду и суждения их по законам военного времени»⁸. Также устанавливался

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881—1913) (далее — ПСЗ РИ). Т. 25. С. 890—891.

² Ежегодник России 1907 г. (Год четвертый) / Центр. стат. комитет М.В.Д. СПб. : Типография «Т-ва Андерсона и Лойцинского», 1908. С. 400.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102. Оп. 260. Д. 125. Л. 11.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 16. Л. 11.

⁵ Телеграмма Минского губернатора на имя Его Императорского Величества от 14 января 1906 г. // ГАРФ. Ф. ДП 7 делопроизводство. Ед. хр. 8. Ч. 32. Т. 5. Л. 9.

⁶ ГАРФ. Ф. ДП 7 делопроизводство. Ед. хр. 8. Ч. 32. Т. 3. Л. 5—5 (об).

⁷ ГАРФ. Ф. ДП. 7 делопроизводство. Ед. хр. 8. Ч. 32. Т. 5. Л. 14.

⁸ Представление Варшавского генерал-губернатора № 1508 министру внутренних дел П. А. Столыпину «О беспорядках в Варшаве» от 5 августа 1906 г. // ГАРФ. Ф. ДП. 7 делопроизводство. 1906. Ед. хр. 8. Ч. 5. Л. 711—712.

двухдневный срок дознания, после которого губернатор или обер-полицмейстер должны были в течение суток подготовить и направить генерал-губернатору соответствующее заключение по делу. Кроме того, Варшавский генерал-губернатор обратил внимание на то, что им «приняты меры к рассмотрению вышеназванных дел Варшавским военно-окружным судом вне всякой очереди»; отдельно отмечалось, что генерал-губернатор воспользуется правом «не давать делу ход в кассационном порядке, для немедленного приведения в исполнение обвинительного приговора». Следует отметить, что действия Варшавского генерал-губернатора были полностью одобрены министром внутренних дел, о чем он уже 11 августа 1906 г. сообщил ему в соответствующей шифртелеграмме⁹.

28 февраля 1906 г. Департамент полиции направил начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений отношение № 3256 в связи с созданием областных организаций партии социалистов-революционеров¹⁰, из содержания которого можно определить масштаб террористической деятельности эсеров, а также их возможности и уровень ресурсного обеспечения. Согласно документу, на съезде партии социалистов-революционеров в Финляндии было принято решение о необходимости создания областных организаций, в связи с чем в начале февраля 1906 г. в г. Одессе состоялся областной съезд, на котором был образован Южно-русский областной комитет и избран его представитель в Совет партии. На съезде также принята резолюция, в которой отражено необходимое техническое оснащение областного комитета, определен порядок его деятельности и принцип подчиненности местных комитетов. Приняты необходимыми для существования областного комитета «установка своей типографии, издание в ней партийной литературы и своего органа, доставка оружия, как то ружей, револьверов, кинжалов и бомб». Кроме того, областной комитет должен иметь областную лабораторию для изготовления бомб, отдавать распоряжения местным комитетам на совершение теракта, вести и распределять по области лиц для совершения теракта, разрешать экспроприацию в казенных учреждениях.

В начале 1906 г. в связи с усилившимися в среде социалистов-революционеров разногласиями по вопросам применения террора, а также принципиальным отказом Центрального комитета в октябре 1905 г. от террористической деятельности часть ее членов отделилась от партии, образовав самостоятельную революционную организацию — партию эсеров-максималистов. В ходе ограбления в марте 1906 г. Московского общества взаимного кредита эсеры-максималисты получили в распоряжение внушительную денежную сумму, которая позволила им наладить активную революционную работу. Именно эсеры-максималисты совершили 12 августа 1906 г. покушение на П. А. Столыпина на его даче. В ходе этого теракта пострадало 54 человека, из которых 32 были убиты.

Следует отметить, что уже в начале 1906 г. террористы в своей практической деятельности стали пользоваться услугами коллег из других местностей, личности которых были неизвестны местной полиции. Основной и единственной задачей приглашенных террористов являлось непосредственное исполнение террористического акта. Данный факт был отражен в отношении Департамента полиции № 3256 от 28 февраля 1906 г. Однако только 17 августа 1906 г. Департамент полиции действительно обратил внимание на эту проблему, в связи с чем разослал начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений шифртелеграмму № 2729 «О координации действий в борьбе с терроризмом»¹¹. В шифртелеграмме была отмечена необходимость начальникам на местах «озаботиться направлением деятельности сотрудников таким образом, чтобы постоянно получать сведения об адресах членов организаций... в других городах и немедленно сообщать об этом Департаменту». Кроме того, особое внимание было обращено на террористическую деятельность эсеров-максималистов. Снова можно констатировать факт неоправданно медленного реагирования органов политического сыска на стремительно изменявшуюся оперативную обстановку в стране.

Таким образом, к началу 1906 г. методика организации террористической деятельности партией социалистов-революционеров пре-

⁹ Шифртелеграмма министра внутренних дел Варшавскому генерал-губернатору «О мерах борьбы с терроризмом» от 11 августа 1906 г. // ГАРФ. Ф. ДП. 7 делопроизводство. 1906. Ед. хр. 8. Ч. 5. Л. 713.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 16. Л. 58—58 (об).

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 28. Л. 28.

террора существенные изменения. Террор стал децентрализованным, изменился и порядок принятия решения о реализации очередного террористического акта. При этом политическая составляющая партийной деятельности отошла на второй план, поскольку массовый характер террористической практики эсерами фактически никак не анализировался, а сам террор в большей мере стал носить конъюнктурный характер и соответствовать реалиям революционного времени.

Начало 1906 г. в России также ознаменовалось созывом 1-й Государственной Думы. Одновременно с этим произошла смена ключевых фигур в российском правительстве: на должность председателя правительства был назначен И. Л. Горемыкин, а министром внутренних дел стал П. А. Столыпин, который трижды выступал с докладами в 1-й Государственной думе. Примечательно, что деятельность парламента была в значительной мере посвящена не аграрным или каким-либо другим вопросам, имевшим для страны первостепенное значение, а проблеме террора, тесным образом связанной с вопросами амнистии и смертной казни политических преступников. Необходимо отметить, что конструктивный подход к рассмотрению Думой вопроса об амнистии был возможен только при условии осуждения террора: в противном случае требование об амнистии лиц, осужденных за подготовку или совершение терактов, было попросту бессмысленным. Безусловно, этого не произошло. В отличие от практически полного единодушия в необходимости амнистии политических преступников, проблема осуждения террора вызвала бурную полемику среди депутатов 1-й Государственной думы. Реакция парламентариев была вполне закономерной, поскольку членами Думы являлись представители в том числе и революционных партий, имевших непосредственное отношение к расшатыванию политической ситуации в России. Первые предложения по данному вопросу были высказаны в парламенте в мае 1906 г.: депутат А. А. Остафьев отметил невозможность «покушений одного человека на другого», в то время как депутат М. А. Стахович и вовсе предложил дополнить обращение к им-

ператору об амнистии поправкой, осуждавшей террор¹². В результате депутаты так и не решились осудить террор: поправка М. А. Стаховича при голосовании была поддержана лишь 10 голосами.

8 июня 1906 г. перед депутатами впервые выступил министр внутренних дел П. А. Столыпин, который в числе прочего привел статистику террористических актов, совершенных в отношении должностных лиц в период с октября 1905 г. по апрель 1906 г. Согласно сведениям министра, всего пострадало 671 должностное лицо, из которых было убито 288 человек, остальные ранены; в дополнение к этому было совершено еще 156 неудачных покушений¹³. По мнению П. А. Столыпина, именно систематический террор и совершение иных сопутствующих преступлений вынуждали правительство принимать чрезвычайные меры по охране общественного порядка, а также регулярно вводить на отдельных территориях специальные административно-правовые режимы: положения усиленной и чрезвычайной охраны и военное положение. Однако депутаты к проблеме террора относились несколько иначе. Парламентарии вообще не рассматривали терроризм в качестве преступления: в их выступлениях террористы представляли народными героями, мужественными борцами за справедливость и даже святыми. В свою очередь, жертв политического террора депутаты объявляли тиранами, извергами и истязателями, при этом о простых людях, пострадавших в ходе многочисленных терактов, члены парламента вообще предпочитали не вспоминать¹⁴. Неудивительно, что причины развития террора депутаты нашли в неверном политическом курсе российского правительства, которое не только не занималось соблюдением прав и свобод человека и гражданина, но и совершало насилие в отношении своего народа. Отдельные депутаты, например Я. Я. Теннисон, отмечали, что именно правительство должно нести ответственность за террор в России¹⁵.

В конечном счете, с одной стороны, развитие революционной обстановки в стране, выраженное в подготовке общероссийской забастовки, многочисленных волнений, беспорядков и терактов, а с другой — нежелание

¹² См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. СПб. : Государственная типография, 1906. Т. 1 : Заседания 1—18 (с 27 апреля по 30 мая). С. 82, 228—233.

¹³ Столыпин П. А. Я верю в Россию! / сост. В. Яськов. М. : Эксмо, 2012. С. 86.

¹⁴ Столыпин П. А. Указ. соч. С. 1487—1496.

¹⁵ Столыпин П. А. Указ. соч. С. 908.

Государственной думы поддерживать конструктивный диалог с правительством привели к тому, что П. А. Столыпин на одном из заседаний Совета министров выступил с инициативой обращения к Николаю II с просьбой распустить Думу. Инициатива министра внутренних дел была единогласно поддержана другими членами правительства. В результате 8 июля 1906 г. императором был подписан Указ о роспуске парламента и назначении даты созыва 2-й Государственной думы на 20 февраля 1907 г.¹⁶ Одновременно с этим 8 июля 1906 г. император подписал Указ, объявлявший Санкт-Петербург и Санкт-Петербургскую губернию в положении чрезвычайной охраны¹⁷. Причина принятия такого нормативного акта была очевидной: государственная власть опасалась волнений и беспорядков, которые могли возникнуть в связи с роспуском Государственной думы. В декабре 1906 г. действие объявленного положения чрезвычайной охраны было продлено еще на 6 месяцев. Кроме того, 5 августа 1906 г. на срок не более 1 года было продлено действие Положения об охране 1881 г.¹⁸ Вообще, в этот период практически на всей территории России действовал тот или иной исключительный административно-правовой режим. К середине 1906 г. лишь в 5 из 87 губерний России не было объявлено исключительное положение¹⁹.

В последующие годы практика учреждения административно-правовых режимов сохранялась. Так, 4 апреля 1907 г. принят Именной высочайший указ «О продлении срока действия введенного в городах Кишиневе и Аккермане, Бессарабской губернии, положения усиленной охраны»²⁰. Срок действия исключительного положения был продлен на один год, а именно до 8 апреля 1908 г. 8 апреля 1907 г. принят Именной высочайший указ «Об объявлении города Брянска с его уездом Орловской губернии, в положении усиленной охраны»²¹. Данный адми-

нистративно-правовой режим устанавливался указом сроком на 1 год. 30 июля 1907 г. принят Именной высочайший указ «О продлении срока действия введенного в городе Бийск и его уезде положения чрезвычайной охраны и об оставлении сел Змеиногорского, с уездом, в состоянии усиленной охраны»²². Этим указом в отдельных местностях Томской губернии были продлены сроки действия соответствующих административно-правовых режимов: в Бийске на 6 месяцев (до 27 января 1908 г.), в обозначенной сельской местности на 1 год (до 22 июля 1908 г.). 1 августа 1907 г. принят Именной высочайший указ «О продлении срока действия введенного в городе Севастополь положения чрезвычайной охраны и об оставлении остальных местностей названной губернии в состоянии усиленной охраны»²³. Срок действия положения чрезвычайной охраны продлен на 6 месяцев (до 9 февраля 1908 г.), а состояние усиленной охраны остальных местностей губернии было продлено на 1 год (до 9 августа 1908 г.). 1 августа 1907 г. принят Именной высочайший указ «Об объявлении Жиздринского уезда, Калужской губернии, в положении усиленной охраны»²⁴. Данный уезд был объявлен в положении усиленной охраны сроком на 1 год ввиду «необходимости усиления мер полицейской охраны». 1 августа 1907 г. также принят Именной высочайший указ «О продлении срока действия введенного в Ковенской губернии положения усиленной охраны»²⁵. Действие установленного административно-правового режима было продлено сроком на 1 год (до 12 августа 1908 г.).

5 августа 1907 г. принят Именной высочайший указ «О продлении срока действия Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и о дальнейшем оставлении некоторых местностей Империи в состоянии усиленной охраны»²⁶. Пункт 1 указа продлевал на 1 год (до 4 сентя-

¹⁶ ПСЗ РИ. Т. 26. № 28103. С. 738—739.

¹⁷ ПСЗ РИ. Т. 26. № 28102. С. 737—738.

¹⁸ ПСЗ РИ. Т. 26. № 28204. С. 784—785.

¹⁹ Изгоев А. П. А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности. М. : Книгоиздательство К. Ф. Некрасова, 1912. С. 42.

²⁰ ПСЗ РИ. Т. 27 (1907). Ч. 1. № 29046. С. 206.

²¹ ПСЗ РИ. Т. 27 (1907). Ч. 1. № 29053. С. 208.

²² ПСЗ РИ. Т. 27 (1907). Ч. 1. № 29435. С. 475—476.

²³ ПСЗ РИ. Т. 27 (1907). Ч. 1. № 29442. С. 479.

²⁴ ПСЗ РИ. Т. 27 (1907). Ч. 1. № 29443. С. 479.

²⁵ ПСЗ РИ. Т. 27 (1907). Ч. 1. № 29445. С. 480.

²⁶ ПСЗ РИ. Т. 27 (1907). Ч. 1. № 29454. С. 483—484.

бря 1908 г.) действие Положения об охране от 14 августа 1881 г. Указ также продлевал на 1 год действие усиленной охраны в Харьковской (кроме самого г. Харькова с уездом), Подольской и Волынской губерниях, а также в отдельных местностях Владимирской губернии. Примечательно, что указ в качестве местности, на которой может вводиться соответствующий административно-правовой режим, определял не только территории исходя из установленных элементов административно-территориального деления в государстве, но и конкретные предприятия. Так, этим же указом был определен состоящим в положении усиленной охраны «железодельный завод Пастухова Черкасского округа области войска Донского»²⁷.

Особое внимание следует обратить на п. 3 Указа от 5 августа 1907 г., который устанавливал, что в местностях, не оговоренных особым образом на предмет введения в них соответствующего правового режима, необходимо «сохранить на тот же срок действие ст. 28—31 Положения об охране. Эти статьи образуют Раздел IV Положения “Правила для местностей, не объявленных в исключительном положении”». Такая конкретизация действия отдельных статей представляется по меньшей мере странной, поскольку указ продлевал действие всего Положения. С какой целью было сделано это уточнение, неясно. Вообще, проблема нормотворчества и качества юридической техники представлялась довольно актуальной, особенно при принятии нормативных актов организационно-управленческого характера. В частности, при установлении сроков действия правовых режимов законодатель последовательно продлевал действие прежних нормативных актов, не обращая должного внимания на однозначность понимания величины этих сроков: нередко формулировка «сроком на один год» дополнялась в указе установлением иной, не соотносящейся с ней по времени конечной даты действия акта.

Таким образом, чрезвычайное законодательство об охране государственного порядка и общественного спокойствия продолжало действовать, что, по мнению П. А. Столыпина, было вполне закономерным явлением, поскольку новые законы, которые могли бы прийти на смену законам чрезвычайным, так и не были созданы.

Опасения российского правительства на предмет активации волнений в связи с роспуском Государственной думы были не напрасными. Действительно, уже в июле 1906 г. в революционной среде, помимо реализации многочисленных терактов, все чаще стали предприниматься попытки организации массовых волнений и беспорядков, в том числе и общероссийского масштаба. Органы политического сыска с проблемой организации массовых волнений, в отличие от предотвращения многочисленных терактов, в целом справлялись, заблаговременно получая оперативную информацию о планах и замыслах революционеров. Так, 17 июля 1906 г. начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений была направлена шифртелеграмма директора Департамента полиции № 2075 «О мерах по предотвращению развития революционного движения»²⁸, из содержания которой следовало, что российские власти были ознакомлены с постановлением Центрального комитета Партии социалистов-революционеров, согласно которому местным организациям было поручено «перейти к решительным действиям, направив их на возбуждение массовых беспорядков в крестьянстве и войсках, а также приступить к широкому партизанскому и массовому террору». 18 июля 1906 г. директором Департамента полиции была направлена на места еще одна шифртелеграмма «Об усилении борьбы с терроризмом» — № 2076²⁹, предписывавшая начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений «ввиду участвовавших случаев нападений революционеров на правительственных и частных лиц, равно финансовые учреждения и железнодорожные линии... напрячь все усилия к разоблачению террористических групп». Кстати, на обеспечение общественного спокойствия на железной дороге органы полиции обращали особое внимание: 7 августа 1906 г. начальникам жандармских полицейских управлений железных дорог было направлено секретное отношение Департамента полиции № 13359 о принятии соответствующих предупредительных мер в связи с подготовкой всеобщей железнодорожной забастовки³⁰. Данное указание было обусловлено тем, что 29 июля 1906 г. Центральным забастов-

²⁷ ПСЗ РИ. Т. 27 (1907). Ч. 1. № 29454. С. 483.

²⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 280. Л. 1.

²⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 280. Л. 3.

³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 15. Л. 18—18 (об).

вочным Комитетом Харьково-Николаевской железной дороги была подготовлена программа всеобщей забастовки, планируемой к проведению в сентябре 1906 г., согласно которой бастующие должны были предпринять следующие меры:

- организовать террористические акты против административных лиц, и прежде всего против военных чинов с целью лишить военные части командования;
- в установленное время привести в негодность подвижной состав карательных поездов либо организовать их крушение;
- разобрать пути перед станциями и взорвать железнодорожные мосты;
- прервать телеграфное сообщение, оставив для бастующих одну исправную линию;
- заблаговременно подготовить материалы для баррикад и разработать «правила за баррикадирования»;
- организовать приобретение «оружия, динамита, пороха, бомб и проч. для оказания упорного сопротивления войсковым частям».

В этот же день, 7 августа 1906 г., начальникам жандармских полицейских управлений железных дорог было направлено отношение Департамента полиции № 9489 «Об организации внутренней агентуры в среде железнодорожных служащих»³¹, которое позволяло начальникам на местах получать агентурные кредиты на содержание секретных сотрудников в случаях их приобретения. При этом ввиду ограниченности денежных средств Департамент полиции был готов финансировать деятельность лишь тех агентов, в отношении которых Департамент заблаговременно получит сведения об их реальных возможностях и о величине запрашиваемой денежной суммы.

Своевременное получение органами полиции сведений о готовящихся терактах на железнодорожном транспорте и последующее их предотвращение вынуждали революционные группы прилагать очередные усилия по организации новых террористических актов. В частности, в шифртелеграмме № 4421 директора Департамента полиции, направленной 14 октября 1906 г.³², отмечалось, что Центральный комитет

железнодорожного союза через возможности узловых комитетов занимался выявлением «мест, удобных к уничтожению: водопроводов, зданий, порчи пути на закруглениях, сооружений путем взрывов, выяснения количества взрывчатых веществ, необходимых для этого, ввиду близости всероссийской забастовки». Руководство этой организации планировало осуществить не отдельный теракт, а реализовать целый комплекс мероприятий диверсионно-подрывного характера.

С течением времени революционная обстановка в стране все более усложнялась. В этой связи 21 декабря 1906 г. директор Департамента полиции направил министру внутренних дел П. А. Столыпину проект шифртелеграммы «О мерах предосторожности в связи с участвовавшими покушениями»³³, адресованной высшим должностным административным лицам на местах. Руководитель Департамента полиции предлагал, чтобы генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники в связи с резким увеличением числа терактов «избегали посещения таких мест и собраний, присутствие в коих не является исполнением существа прямых обязанностей службы». П. А. Столыпин отклонил данное предложение, объяснив свою позицию нежеланием «вызвать панику среди губернаторов». По мнению министра, в таком случае достаточно вынесения предостережения о необходимости предпринять усиленные меры предосторожности.

Следует отметить, что в период 1904—1906 гг. актуализировалась проблема применения антитеррористического законодательства в России. В частности, были нередкими случаи, когда в ходе судебного процесса имевшихся у обвинения улики было недостаточно для квалифицированного доказывания состава преступления, что приводило к необходимости привлечения лиц не к уголовной, а к административной ответственности путем назначения им наказания в виде административной высылки. В отдельных случаях террористы получали незначительные тюремные сроки, а иногда вообще оставались безнаказанными, что только усложняло революционную обстановку в стране. Подобного мнения придерживался,

³¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 116. Л. 508—508 (об).

³² Шифртелеграмма директора Департамента полиции № 4421 губернаторам, начальникам ГЖУ, начальникам жандармских полицейских управлений железных дорог и охранных отделений в связи с возможностью терактов на железных дорогах от 14 октября 1906 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед.хр. 280. Л. 47.

³³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 280. Л. 71.

например, заведующий заграничной агентурой Л. А. Ратаев. Резко негативно высказываясь о выносимых в России судебных приговорах по политическим делам, он отмечал бесполезность осуществления розыска и задержания революционеров-террористов, «которых в лучшем случае посадят на несколько месяцев в тюрьму, а затем выпустят на свободу и предоставят возможность приняться за прежнюю работу»³⁴.

Проблема правоприменения беспокоила и руководство Департамента полиции. Так, 16 мая 1906 г. в записке директора Департамента полиции «О проблемах привлечения к ответственности лиц, обвиняемых в государственных преступлениях»³⁵ отмечены трудности применения закона от 7 июня 1904 г. «О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового Уголовного уложения», определившего судебный порядок осуществления политических дознаний вместо существовавшего ранее административного порядка. В условиях высокой конспирации деятельности террористических групп, безрезультативности обысков, а также наличия у террористов квалифицированных защитников доказательная база дел о государственных преступлениях в 1905—1906 гг. все чаще стала строиться на свидетельских показаниях. С принятием закона от 7 июня 1904 г. показания свидетелей стали оглашаться в суде, что привело к «боязни свидетелей пострадать от революционеров за свои откровенные уличающие показания». Факты отмщения свидетелям со стороны террористов за обличающие показания в этот период были нередкими: в приложении к записке директора Департамента полиции прилагались несколько материалов, подтверждавших наличие таких случаев. Таким образом, при правоприменении сложилась двойственная ситуация. С одной стороны, принятие закона от 7 июня 1904 г. объективировало порядок привлечения лиц к уголовной ответственности

и исключило возможность смешения административного и уголовного процессов в рамках рассмотрения конкретного дела, а с другой — определив судебный порядок осуществления дознаний, частично снизило полномочия органов политического сыска по расследованию государственных преступлений, а также оперативность вынесения приговора. В данном случае государственный интерес и целесообразность уступили праву.

Тем не менее органы политического сыска при необходимости имели возможность принимать оперативные решения о привлечении лиц, виновных в совершении государственных преступлений, к юридической ответственности, а также разрешать дела о терроризме в административном порядке. Например, из переписки министра юстиции И. Г. Щегловитова с министром внутренних дел П. А. Столыпиным по вопросу рассмотрения дела о взрыве 15 июля 1906 г. в помещении Московского охранного отделения следовало, что ввиду ранее установленных агентурных отношений лиц, виновных во взрыве, с охранным отделением и нежелания предавать огласке данный инцидент в ходе судебного расследования Министерством внутренних дел принято решение «о разрешении этого дела высылкою... в административном порядке в одну из отдаленных губерний Сибири»³⁶.

Во второй половине 1906 г. в связи с невозможностью организовать массовое восстание общероссийского масштаба лидерами революционных партий была выработана новая тактика ведения политической борьбы — партизанская война. Так, 8—13 сентября 1906 г. на съезде представителей Крестьянского союза Партии социалистов-революционеров в Финляндии принято решение «начать партизанскую войну убийством властей, как то: урядников, станowych приставов и земских начальников»³⁷. Также было признано необходимым агитировать крестьян на отказ от отбывания воинской повинности, который признавался опосредо-

³⁴ Цит. по: Лоскутов С. М. Правовые аспекты борьбы с террором в России во второй половине XIX — начале XX в. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 128—129.

³⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. Ед. хр. 2554. Л. 6—6 (об).

³⁶ Письмо министра юстиции № 6206 министру внутренних дел П. А. Столыпину по поводу направления дела о взрыве в помещении Московского охранного отделения от 31 августа 1906 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 6. Ед. хр. 522. 1906. Л. 13—14.

³⁷ Отношение Департамента полиции № 17223 начальникам губернских жандармских управлений, охранных отделений и розыскных пунктов в связи с решениями съезда Крестьянского союза партии эсеров от 18 сентября 1906 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 14. Л. 139.

ванной формой призыва к вооруженному восстанию. В это же время, 14 сентября 1906 г., на заседании боевого комитета при Санкт-Петербургском комитете партии социалистов-революционеров было решено «немедленно начать вести партизанскую войну, но только для того, чтобы добыть средства или нанести какой-либо урон правительству при убийстве какого-нибудь полицейского чина»³⁸. Кроме того, в ходе заседания отмечалось, что служащих полиции лишь за одну принадлежность к этой структуре необходимо считать врагами народа и, следовательно, обладать правом на их убийство.

Таким образом, как по смысловому, так и по содержательному значению партизанская война представляла собой не что иное, как многочисленные акты террора, осуществляемые массово и спонтанно по всей территории страны. Следует отметить, что Департамент полиции был осведомлен о принятых революционерами решениях, что позволило своевременно предупредить начальников губернских жандармских управлений, охранных отделений и розыскных пунктов о возможной активизации террористической деятельности на вверенных им территориях. Особое внимание было уделено выяснению сведений о приобретении оружия революционными организациями за рубежом: 12 октября 1906 г. была разослана на места шифртелеграмма директора Департамента полиции № 4385³⁹, в которой предлагалось «принять все меры к выяснению путем внутренней агентуры заказов революционными организациями оружия за границей».

Анализ революционной обстановки, сложившейся в России к осени 1906 г., свидетельствовал о том, что большинство известных революционных партий предпринимали попытки организовать массовое вооруженное восстание. С этой целью ими создавались боевые подразделения (дружины, ячейки, организации, комитеты), заготавливались вооружение и боеприпасы, осуществлялась экспроприация государственных материальных

средств, проводилась соответствующая агитация и т.д. В результате в революционной среде для обозначения подобной деятельности к сентябрю-октябрю 1906 г. появилось новое понятие «партизанская деятельность», которое нередко использовалось в резолюциях, решениях и программах, подготавливаемых по результатам революционных съездов и собраний. Следует учесть, что к этому времени подобную деятельность стали осуществлять не только социалисты-революционеры и представители анархистских течений, но и социал-демократы. Так, из Обзора революционных организаций в г. Москве № 13040, составленного Московским охранным отделением⁴⁰, следовало, что именно эти партии проявили наибольшую активность в организации «партизанских боевых действий» в г. Москве в середине 1906 г. При этом по состоянию на 1 октября 1906 г. руководство московского сыскного органа отмечало, что так называемая «партизанская» война привела к снижению уровня доверия граждан к революционным деятелям: в московском обществе стало заметным «появление критической оценки и осуждение не брезгающих никакими средствами для поддержания своего существования революционеров»⁴¹.

В ноябре 1906 г. директор Департамента полиции представил министру внутренних дел Справку «О пострадавших при террористических актах», в которой были изложены сведения о количестве убитых и раненых при террористических покушениях с февраля 1905 г. по май 1906 г. Общая численность пострадавших была существенной — 1 273 человека, из них только городовые, стражники и околоточные надзиратели составляли 728 человек, в то время как число пострадавших генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников составляло лишь 8 человек⁴². В этот период наименьшее число успешных терактов было совершено в отношении высших должностных лиц, крупных чиновников и военачальников, что соответствовало заявленным программам главных революционных организаций России.

³⁸ Отношение Департамента полиции № 17273 начальникам губернских жандармских управлений, охранных отделений и розыскных пунктов в связи с решениями боевой организации Санкт-Петербургского комитета партии социалистов-революционеров от 20 сентября 1906 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 15. Л. 24.

³⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 280. Л. 45.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 253. Ед. хр. 6. Л. 1—32.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 253. Ед. хр. 6. Л. Л. 26.

⁴² Справка директора Департамента полиции, представленная министру внутренних дел, «О пострадавших при террористических актах» // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. Ед. хр. 2554 Л. 32.

Террор стал не только массовым и масштабным, но и во многом опустился до местечкового уровня. Свидетельством тому также являлось довольно сильное увлечение анархистскими идеями фабрикантов, рабочих и мелких служащих. Согласно отношению Департамента полиции № 24603 полицейскому руководству на местах «О распространении среди рабочих анархизма» от 13 декабря 1906 г.⁴³ рабочая среда перестала доверять социалистическим комитетам, «настроенным, по их мнению, слишком мирно», в связи с чем «рабочие переходят на сторону анархистов, боевое учение коих наиболее соответствует их настоящему возбужденному состоянию духа».

Тем не менее изложенные выше обстоятельства не означают, что высшие должностные лица в 1906 г. перестали являться объектами террористической деятельности революционных партий: дело в том, что в масштабах осуществляемого в стране террора число таких терактов было попросту несопоставимым с количеством политических убийств и покушений на нижних полицейских и гражданских чинов. По этой причине 21 декабря 1906 г. директор Департамента полиции даже направил на утверждение министру внутренних дел проект шифртелеграммы «О мерах предосторожности в связи с участвовавшими покушениями»⁴⁴, в которой административным властям на местах предписывалось отказаться от посещения «таких мест и собраний, присутствие в коих не является исполнением существа прямых обязанностей службы». Проект не был утвержден министром в связи с нежеланием вызывать панику среди административных властей.

В революционной среде соответствующая работа по подготовке терактов в отношении крупных чиновников продолжала вестись интенсивно. К примеру, в конце декабря 1906 г. — начале января 1907 г. в Санкт-Петербурге была арестована группа террористов, занимавшаяся подготовкой покушений на жизнь высокопо-

ставленных лиц, а также служащих охранного отделения. Согласно показаниям одного из задержанных лиц, члены этой группы называли себя «террористами-экспроприаторами», ранее состоявшими в боевой дружине Петербургского района партии социалистов-революционеров, но впоследствии образовавшими самостоятельную террористическую ячейку. Основной целью террористов-экспроприаторов являлось «насилованное ниспровержение существующего в России государственного строя»⁴⁵. Результаты деятельности этой группы были для ее членов неутешительными: постановлением Санкт-Петербургского военно-окружного суда от 22 сентября 1907 г. все обвиняемые по делу были приговорены к длительным срокам наказания⁴⁶.

Подобной деятельностью занимались не только террористы-экспроприаторы, но и другие революционные группы. Так, 3 мая 1907 г. начальникам губернских жандармских управлений европейской России было направлено отношение Департамента полиции № 125065, в котором сообщалось о подготовке фракцией максималистов террористического акта в отношении одного из губернаторов, который «ездит в свое имение, где без охраны посещает местную церковь»⁴⁷. 1 июня 1907 г. Департамент полиции разослал на места циркуляр № 127386 «О наблюдении за террористической группой В. Бурцева»⁴⁸, согласно которому известным социалистом-революционером В. Л. Бурцевым за рубежом организована террористическая группа численностью более 20 человек, которая «должна отправиться в Россию для совершения какого-то центрального террористического акта». 12 июня 1907 г. начальникам районных охранных отделений было направлено отношение Департамента полиции № 128158⁴⁹, согласно которому в рамках совместного собрания социал-демократов и социалистов-революционеров принято решение «произвести целый ряд террористических актов против высших

⁴³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 15. Л. 38.

⁴⁴ Проект шифртелеграммы высшим чинам местной администрации «О мерах предосторожности в связи с участвовавшими покушениями», представленный директором Департамента полиции министру внутренних дел от 21 декабря 1906 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 280. Л. 71—72.

⁴⁵ Постановление по дознанию о группе «террористов-экспроприаторов» от 27 января 1907 г. // ГАРФ. Ф. ДП. 1907. 7 делопроизводство. Ед. хр. 330. Л. 79—80.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. ДП. 1907. 7 делопроизводство. Ед. хр. 330. Л. 378.

⁴⁷ Отношение Департамента полиции № 125065 всем начальникам губернских жандармских управлений европейской России, за исключением Кавказа, в связи с возможностью покушения на одного из губернаторов от 3 мая 1907 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 281. Л. 4.

должностных лиц, продолжая террор и после созыва нежелательной для революционеров Государственной думы». Созыв Третьей Государственной думы, функционировавшей 1 ноября 1907 г. — 9 июня 1912 г., действительно был нежелателен для революционеров, поскольку она была сформирована по новому принципу, лишившему выборщиков из крестьян права на самостоятельное избрание депутатов из своей среды, а также перераспределившему количество выборщиков в пользу буржуазии.

Нередко объектами террористической деятельности становились крупные владельцы фабрик и заводов. 26 мая 1907 г. Департамент полиции разослал местному административному руководству циркуляр, из содержания которого следовало, что число покушений на жизнь фабричной администрации возросло настолько, что министр внутренних дел предложил «принять энергические меры как негласному розыску в этой области в рабочей среде, так и охране тех из означенных лиц, кои своею деятельностью могут вызвать недовольство рабочих»⁵⁰. Анализ архивных материалов по данной проблематике свидетельствует о значительном количестве планировавшихся революционными группами в 1906—1907 гг. терактов в отношении высокопоставленных должностных лиц или крупных производственников.

В связи с неоднократной регистрацией случаев применения террора в межпартийной борьбе 16 апреля 1907 г. Министерство внутренних дел направило секретное отношение № 680 генерал-губернаторам, губернаторам, градоначальникам и Варшавскому обер-полицмейстеру⁵¹. В этом документе административное руководство предупреждалось об учащении случаев совершения террористических актов в отношении представителей так называемых легализированных политических обществ (прежде всего черносотенных организаций), что могло спровоцировать появление

массовых межпартийных выступлений. Действительно, в этот период на территории России стали регистрироваться случаи реализации террористических актов в отношении членов проправительственных организаций и структур патриотической направленности: по сведениям Департамента полиции, в период с января 1907 г. по февраль 1908 г. в стране было совершено 36 терактов такой направленности⁵². Российское правительство уделяло большое значение подобным террористическим проявлениям: розыскным органам было предписано предпринять все необходимые меры, в том числе и негласное наблюдение, для расследования совершенных и предотвращения готовящихся терактов. Кроме того, Министерство внутренних дел обращало внимание местных административных властей на необходимость рассмотрения подобных дел о терроризме в кратчайшие сроки с целью скорейшего привлечения к ответственности виновных лиц.

В контексте данного вопроса следует обратить внимание на тот факт, что представители черносотенных организаций также совершали убийства, которые в ходе их юридической квалификации можно отнести к категории террористических актов, однако получали при этом незначительное наказание, а в некоторых случаях даже были помилованы императором. Так, в 1906 г. черносотенцами был убит профессор Московского сельскохозяйственного института, член 1-й Государственной думы, представитель партии кадетов М. Я. Герценштейн. Согласно письму статс-секретаря Великого княжества Финляндского министру внутренних дел лица, подозреваемые в совершении этого преступления, были «снабжены свидетельством, выданным Санкт-Петербургским охранным отделением за подписью его начальника... и с приложением казенной печати»⁵³. При выяснении подлинности документов Санкт-Петербургское охранное отделение не

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 19. Л. 47—47 (об).

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 281. Л. 8.

⁵⁰ Циркуляр Департамента полиции № 333 губернаторам, градоначальникам, Варшавскому обер-полицмейстеру, начальникам ГЖУ, жандармских полицейских железнодорожных управлений и охранных отделений в связи с усилением террора против фабричной администрации от 26 мая 1907 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 280. Л. 102.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 19. Л. 13.

⁵² Перечень террористических актов против членов патриотических организаций, составленный Департаментом полиции // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. Ед. хр. 2554. Л. 29—31.

⁵³ Письмо статс-секретаря Великого княжества Финляндского № 80 министру внутренних дел «Об оказании содействия в предоставлении Кивинеппскому уездному суду сведений о свидетельстве, якобы

подтвердило принадлежность подозреваемых лиц к их ведомству, обратив внимание на тот факт, что «начальником охранного отделения... за его подписью и с приложением казенной печати никому из служащих в отделении свидетельства не выдаются»⁵⁴. Тем не менее лица, приговоренные в мае 1909 г. по этому делу Кивинеппским уездным судом Великого княжества Финляндского к 6 годам заключения, уже в декабре этого же года были помилованы по личному распоряжению Николая II. Примеров такого снисходительного отношения к представителям революционных организаций за совершение убийства на протяжении всего периода существования освободительного движения в России не наблюдалось.

К середине 1907 г. в условиях стремительно-го разрастания террористической угрозы, массового характера реализованных революционными организациями терактов в деятельности охранных отделений и жандармских управлений проявилась проблема эффективного руководства деятельностью секретной агентурой, принимавшей активное участие в работе революционных организаций. По этой причине Департамент полиции подготовил и направил местным начальникам, заведывавшим розыском, совершенно секретное отношение № 125449 «О степени участия секретных сотрудников в деятельности революционных организаций» от 10 мая 1907 г.⁵⁵, в котором были разъяснены отдельные положения, определявшие порядок работы с агентурой. Кстати, отношение не содержало новых норм, регулировавших деятельность секретной агентуры, поскольку было основано на действовавшей Инструкции начальникам охранных отделений по ведению агентурного наблюдения. В документе называлась недопустимой «провокационная» агентурная деятельность, т.е. секретные сотрудники не должны «сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли или даже совершенно неповинных». Ни при каких обстоятельствах не допускалось сокрытие перед Департаментом полиции факта принадлежности задержанного с личным секретного сотрудника к дея-

тельности местного розыскного органа и тем более попытка «оправдать преступную и провокационную их деятельность» в донесениях в Департамент с последующим возбуждением ходатайства об освобождении агентуры от юридической ответственности. Отношение разъясняло, что в случаях невозможности секретного сотрудника уклониться от активной преступной деятельности в революционной организации агент должен «на каждый отдельный случай испрашивать разрешение лица, руководящего агентурой». Только в таком случае Департамент полиции будет рассматривать ходатайства о смягчении наказания.

Таким образом, в вопросе борьбы с революционными организациями и террором деятельность секретной агентуры продолжала иметь первостепенное значение для Департамента полиции. При этом, с одной стороны, секретные агенты должны были воздерживаться от участия в активных революционных действиях и террористических актах, с другой — укреплять авторитет в революционной среде и приобретать возможности оказывать влияние на принятие управленческих решений в организации.

Осенью 1907 г. значение агентуры еще более возросло, поскольку по ряду причин деятельность основных российских революционных организаций вступила в фазу кризиса, обусловленного отсутствием серьезных позитивных сдвигов в освободительной борьбе. Лидеры многих революционных организаций (социалисты-революционеры, социал-демократы, социалисты-максималисты и др.) стали задумываться о необходимости изменения тактики ведения политической борьбы и, как следствие, о корректировке партийных программ. В этих условиях практически все революционные структуры отмечали снижение результатов агитационной работы, что выразилось в существенном снижении темпов пополнения партий новыми членами. На террористическую деятельность крупнейших революционных организаций обозначенные выше процессы не оказали какого-либо влияния: подготовка и реализация терактов продолжали последовательно осуществляться.

Вследствие этого в сентябре — октябре 1907 г. крупнейшие революционные организа-

выданном Петербургским охранным отделением лицам, причастным к убийству М. Я. Герценштейна» от 2 октября 1907 г. // ГАРФ. Ф. 102. Д-7. Ед. хр. 8. Т. 2. Ч. 66. Л. 89—90.

⁵⁴ Ответ Петербургского охранного отделения на письмо статс-секретаря Великого княжества Финляндского от 4 октября 1907 г. // ГАРФ. Ф. 102. Д-7. Ед. хр. 8. Т. 2. Ч. 66. Л. 130.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 259. Л. 121—121(об.).

ции провели собрания и конференции, на которых решались важнейшие для партии вопросы. Согласно отношению от 3 сентября 1907 г. Департамента полиции № 133936 начальникам ГЖУ и охранных отделений⁵⁶, летом 1907 г. на одной из конференций местных комитетов партии социалистов-революционеров заслушан доклад делегата, принимавшего участие в совете партии, где были приняты следующие важнейшие для эсеров решения организационно-управленческого характера. Во-первых, партийным руководством дана оценка деятельности партии, которая действовала «в Петербурге — хорошо, в Черниговской, Харьковской и Киевской губерниях — очень хорошо, в Москве — плохо, в остальных городах — посредственно». Во-вторых, было принято решение усилить «центральный» террор и партизанские выступления, для чего организовать соответствующие боевые дружины. В-третьих, партийное руководство обратило особое внимание на интенсивное развитие профессиональных движений, которые необходимо использовать в революционных целях: «Совет партии предлагает уничтожить старые типы организации, а создать на ее новых началах по производствам, объединяя работников отдельных профессий». Данная инициатива вызвала критические замечания многих членов совета, поэтому было принято окончательное решение не менять установившийся порядок организации политической борьбы, предоставив при этом местным комитетам самостоятельность в принятии решений по данному вопросу.

В октябре 1907 г. в окрестностях Гельсингфорса состоялась конференция фракции большевиков Российской социал-демократической рабочей партии под председательством В. И. Ленина, в которой приняли участие 32 делегата. Сведения о результатах этой конференции Департамент полиции получил агентурным путем, впоследствии он направил их в форме препровождения Департамента полиции № 137142 начальникам районных охранных отделений и другим руководителям розыскных органов⁵⁷. В числе прочего на конференции рассматривался вопрос подготовки к выборам

в Третью Государственную думу: отмечалось «сильное равнодушие тех избирателей, которые в прошлую кампанию не только подавали голоса за левых кандидатов, но, не принадлежа к действующим организациям партии, по личной инициативе агитировали в пользу социалистов». Большинство избирателей полагали, что деятельность Третьей Государственной думы будет недолгой, а создание в ней сильной оппозиционной группы по примеру Второй Думы невозможным. Наряду с этим, на конференции большое внимание уделили вопросу применения террора, в том числе объединению усилий боевых ячеек партии социал-демократов и партии социалистов-революционеров. Было принято решение усилить террор, поскольку он представлял собой «единственный способ вернуть Россию к тому состоянию, в каком она оказалась при первых успехах революции и из которого ее опять вывел непонятный режим премьеры». Социал-демократы приняли решение перенять у европейских стран новейшие методы ведения террористической борьбы, для чего «послать в Рим и Париж “товарищей-техников”, которым и поручить приобрести соответственные сведения». Кроме того, в Департаменте полиции обратили внимание на тот факт, что резолютивная часть конференции оказалась неожиданной даже для самих ее членов: большевики оценили «метод террора не достигающим цели, так как сейчас единственным методом борьбы должна являться научная пропаганда и Государственная Дума как агитационная трибуна».

Сложившаяся внутри революционных организаций обстановка вызывала беспокойство Департамента полиции, руководство которого понимало, что ни при каких обстоятельствах нельзя упустить возможность выяснить новые планы антиправительственной деятельности, а также повлиять на формирование этих замыслов. Осуществить эти замыслы Департамент полиции мог исключительно посредством взаимодействия секретной агентуры. В этой связи 4 октября 1907 г. в Департаменте полиции подготовлен совершенно секретный циркуляр начальникам районных охранных и охранных отделений «О мерах по усилению агентурного

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 281. Л. 18—18 (об).

⁵⁷ Препровождение Департамента полиции № 137142 начальникам районных охранных отделений, Иркутского, Томского и Владивостокского охранных отделений, заведывающему Особым отделом по полицейской части Канцелярии наместника Его императорского величества на Кавказе и начальнику Финляндского жандармского управления агентурных данных о решениях большевистской конференции. Октябрь 1907 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 19. Л. 151—153.

наблюдения за революционными организациями»⁵⁸, который установил перечень мер по организации работы с секретной агентурой. Так, секретные сотрудники при участии в собраниях и совещаниях революционной организации, в ходе которых обсуждались новые аспекты программы партии, должны были настойчиво отстаивать те направления работы, которые смягчали бы уровень накала революционной борьбы. При этом розыскным органам предписывалось перед проведением подобных собраний любыми способами не допустить участие в них наиболее радикально настроенных революционеров, имевших уважение и авторитет в партии. Также розыскные учреждения должны были приобретать новую агентуру в революционной среде, а также «использовать означенное переходное состояние в том смысле, чтобы продвинуть своих сотрудников ближе к центрам организаций». Особое внимание руководство Департамента полиции обращало на необходимость выявления легализированных предприятий, используемых революционерами для сокрытия истинных замыслов, а также на «выяснение через агентуру тех планов и намерений революционных групп, из которых комбинируются общая, скрытая программа их деятельности и которыми определяются конечные цели таковой, дабы правительство имело возможность правильно ориентироваться в тех или иных отдельных выступлениях революционного, маскированного и парламентского свойства». Работа в сфере борьбы с террором, агитацией и пропагандой в крестьянской среде и в армии должна была продолжаться в соответствии с ранее направленными указаниями Департамента полиции.

В ноябре 1907 г. в условиях сохранения угрозы совершения террористических актов в отношении высших должностных лиц российским правительством было принято реше-

ние усилить охрану императора путем формирования Сводного пехотного полка вместо действовавшего ранее Сводно-Гвардейского батальона. Главной задачей нового подразделения являлась ближайшая охрана монарха: по роду возложенных обязанностей нижние чины Сводного полка должны были иметь доступ как к дворцовым помещениям, так и к покоям императора. В этой связи 26 ноября 1907 г. административному руководству на местах было направлено отношение министра внутренних дел, в котором предписывалось командирам воинских частей, занимавшихся комплектованием Сводного полка, организовать подбор таких лиц, «благонадежность которых в нравственном и особенно в политическом отношении не подлежала бы никакому сомнению»⁵⁹. Кандидаты на службу в этот полк тщательно изучались сотрудниками охранных отделений и жандармских управлений. Также осуществлялся сбор сведений о родственниках, ближайших связях и образе жизни кандидатов.

Таким образом, период 1906—1907 гг. не ознаменовался серьезными успехами российских властей по противодействию террористической угрозе, однако последовательная антитеррористическая политика продолжала проводиться. Стремительное развитие антиправительственной деятельности привело к невозможности организации в стране системной и эффективной борьбы с террором. В таких условиях органы политического сыска пытались адаптироваться под стремительно изменявшуюся революционную обстановку и в короткие сроки найти эффективные средства борьбы с террором. В этот период решать поставленные задачи сыскным органам удавалось с большим трудом. Впоследствии органы политического сыска путем принятия соответствующих организационно-правовых мер смогли исправить эту ситуацию и взять под контроль российское революционное сообщество.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия первая. — СПб. : Государственная типография, 1906. — Т. 1 : Заседания 1—18 (с 27 апреля по 30 мая). — 866 с.
2. Ежегодник России 1907 г. (Год четвертый) / Центр. стат. комитет М.В.Д. — СПб. : Типография «Т-ва Андерсона и Лойцинского», 1908. — 422 с.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Ед. хр. 19. Л. 144—145 (об).

⁵⁹ Отношение Министерства внутренних дел № 141464 губернаторам, градоначальникам и Варшавскому обер-полицмейстеру в связи с созданием Сводного пехотного полка для охраны особы императора от 26 ноября 1907 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 15. Л. 46—46 (об).

3. Изгоев А. П. А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности. — М. : Книгоиздательство К. Ф. Некрасова, 1912. — 133 с.
4. Лоскутов С. М. Правовые аспекты борьбы с террором в России во второй половине XIX — начале XX в. : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014. — 157 с.
5. Столыпин П. А. Я верю в Россию! / сост. В. Яськов. — М. : Эксмо, 2012. — 589 с. — (Российская императорская библиотека).

Материал поступил в редакцию 18 июля 2018 г.

REVOLUTIONARY TERROR IN RUSSIA IN 1906—1907: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

KOLOTKOV Mikhail Borisovich, PhD in Law, Senior Researcher of the Information and Analytical Center of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
mkolotkov@yandex.ru
195251, Russia, St. Petersburg, ul. Polytekhnicheskaya, d. 29

Abstract. *The paper presents an analysis of legal technologies of counteraction to terrorism in Russia in 1906–1907. The complex of special organizational and legal measures taken by the Russian authorities at the beginning of the XX century in order to counter the terrorist threat is studied. Special attention is given to both law-making and law-enforcement activities of the Ministry of Internal Affairs, which continued to carry out systematic work to suppress the activities of terrorist groups. An attempt is made to establish key legal obstacles and restrictions to build an effective mechanism to combat terrorist crimes. It is noted that by the beginning of 1906 the method of organizing terrorist activities of revolutionary organizations had undergone significant changes: terror in Russia had become decentralized, and the procedure for making a decision on the implementation of another terrorist act had changed. The political component of the Party's activities faded into the background, as the mass nature of terrorist practices by revolutionaries was not actually analyzed in any way, and the terror itself became more opportunistic and consistent with the realities of the revolutionary time. During this period, Russia began to register the facts of terrorist acts against members of pro-government organizations and structures of patriotic orientation: cases of terrorist acts against representatives of "legalized" political societies (primarily Black-Hundred organizations) became more frequent, which could provoke the emergence of mass inter-party protests. At the same time, the analysis of the revolutionary situation in Russia at that time shows that the majority of the known revolutionary parties made attempts to organize a mass armed uprising. Attention is focused on the emergence in the terrorist environment of a new tactic of political struggle through terrorist attacks — the organization of guerrilla warfare. Particular attention is given to the study of the problem of effective management of the Secret Agency of the Police Department.*

Keywords: law, terror, terrorist activities, revolutionary organizations, police department, political investigation, public order, security offices, administrative and legal regimes, secret agents.

REFERENCES

1. Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskie Otchety. 1906 g. Sessiya pervaya, 1906 [State Duma. Verbatim record. 1906. Session one]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya [State Printing House], 1906. T. 1: zasedaniya 1—18 (s 27 aprelya po 30 maya) [Vol. 1: Session 1—18 (27 April to 30 May)]. 866 p.
2. Ezhegodnik Rossii 1907 g. (god chetvertyy). Tsentr. stat. komitet M.V.D. [Yearbook of Russia 1907 (year four). Center. Stat. of the Ministry of Internal Affairs Committee]. St. Petersburg: Tipografiya «T-va Andersona i Lloytsinskago» [Typography "Anderson and Loytsinskiy Partnership"], 1908. 422 p.
3. Izgoev A. P. A. *Stolypin. Ocherk zhizni i deyatel'nosti* [P.A. Stolypin. Essay of Life and Work]. Moscow: Knigoizdatelstvo K.F. Nekrasova [The K.F. Nekrasov's Publishing House], 1912. 133 p.
4. Loskutov S.M. *Pravovye aspekty borby s terrorom v Rossii vo vtoroy polovine XIX-nachale XX v.: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal aspects of the fight against terror in Russia in second half of the 19th — early 20th century: PhD Thesis]. Moscow, 2014. 157 p.
5. Stolypin P.A. *Ya veryu v Rossiyu!* [I believe in Russia!]. Comp. by V. Yaskov. Moscow: Eksmo Publ., 2012. 589 p. Rossiyskaya imperatorskaya biblioteka [Russian Imperial Library].